

Невербалика в коммуникативном пространстве: итоги, результаты и перспективы (часть I)

Е.В. Малышева

В статье рассматривается невербалика в коммуникативном пространстве. Автор приходит к выводу, что в настоящее время, остаются открытыми вопросы, связанными с использованием невербальных средств не просто как элементов коммуникации, а именно таких знаков/компонентов, которые не только включены речь и выступают единым комплексом с вербальной системой взаимодействия, но и несут в себе дополнительные функции.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: коммуникация, язык тела, невербальные единицы, социальная интеракция, прикосновение

МАЛЫШЕВА Екатерина Валерьевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент языка и межкультурной коммуникации Тверской государственной сельскохозяйственной академии. ekkmal@bk.ru

Цитирование: Малышева Е.В. Невербалика в коммуникативном пространстве: итоги, результаты и перспективы (часть I) // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2017. № 2. С. 44–68. Режим доступа: www.tverlingua.ru

Body language in the communicative space: results, results and perspectives (Part I)

Ekaterina V. Malysheva

The article deals with the body language in the communicative space. The author concludes that today there are unresolved questions concerning the use of nonverbal means not just as elements of communication namely such signs / components that not only include speech and act as a single complex with a verbal interaction system but also carry themselves additional functions.

KEY WORDS: communication, body language, nonverbal units, social interaction, touch

MALYSHEVA Ekaterina V. – candidate of Philology, docent, docent of the theory of language and intercultural communication of Tver State Agricultural Academy. ekkmal@bk.ru

Citation: Malysheva E.V. Body language in the communicative space: results, results and perspectives (Part I) // World of linguistics and communication: electronic scientific journal. 2017. № 2. P. 44–68. Access mode: www.tverlingua.ru

Исследование проблем комплексного восприятия информации, т.е. формирования целостного образа или полной картины «понимания объекта» с точки зрения его проявления в вербальных и невербальных составляющих является актуальным и значимым аспектом в изучении системы взаимодействия человека и окружающей действительности. Восприятие информации – это «системное явление, которое зависит от множества факторов и в то же время определяет все стороны жизни людей» (Хмылев, Кондрасюк, 2016: 131). По этой причине использование в процессе восприятия различных коммуникативных каналов, таких как вкусовой, тактильный, слуховой, обонятельный, зрительный, язык слов (понятий), живой язык, язык графических образов открывают человеку способы получения информации путем взаимодействия с различными объектами действительности. Но если принять во внимание тот факт, что вербальная информация воздействует на человека рациональным путем, а информация, полученная («прочитанная») посредством невербальных источников, может переводить подсознание на подсознательный уровень» (Почепцов, 2001), то можно прийти к заключению о том, что именно невербальные каналы восприятия информации помогают человеку в большей мере считывать (получать) нужную информацию в процессе взаимодействия с различными объектами окружающего мира на подсознательном уровне.

Иначе говоря, в процессе усвоения новой информации, человек подсознательно использует различные коммуникативные каналы восприятия

информации, в том числе и невербальные. Следовательно, реципиент получает уже семиотически усложненную информацию, которая в свою очередь перерабатывается в единое целое. Стоит оговориться, что на уровне глубинной семантики хотя и не существует принципиальных различий между значением вербальных и иконических знаков, тем не менее, многие исследования подтверждают тот факт, что наличие визуального образа значительно повышает восприятие информации (Найсер, 1981; Романов, Черепанова, Ходырев, 1997 и др.). И не случайно еще Л. Войтасек в 1981 г. писал: «то, что мы видим, быстрее и легче воспринимается как истина, вызывает меньше опасений» (Войтасек, 1981: 190), а «каждому слову и каждому предложению в нашей современной речи может быть подобран лингвистический эквивалент – будь то слово, фраза, обширный текст или паралингвистический знак» (Поршнева, 1974: 474). Иными словами, использование невербальных (паралингвистических) средств взаимодействия – способ снятия избыточности в тексте или речи, говоря известными словами Г.В. Колшанского (1974: 7): «... Возможная избыточность языка при полном вербальном раскрытии какого-либо содержания в естественных условиях снимается по различным причинам путем элиминирования чисто языковых средств и одновременно включения в коммуникацию экстралингвистических средств, подкрепляющих абсолютную однозначность конкретного речевого акта».

Здесь стоит оговориться, что такое отношение к исследованию значимости использования невербальных средств общения в живой речи стало возможным сравнительно недавно в связи с тем, что лингвистика на протяжении долгого периода времени не рассматривала невербальные средства общения с точки зрения их включения в текст или живую речь. Однако в результате вовлечения в область ее исследования различных средств и способов передачи информации в конце XX века оформилось новое направление – паралингвистика, представляющая собой «раздел языкознания, изучающий неязыковые средства, включенные в речевое

сообщение: фонационные (степень громкости, распределение пауз и т. п.), кинетические (особенности мимики и жестикуляции в процессе общения) и графические» (Большая советская энциклопедия, 1975: 489). Когда и кем конкретно был введен термин «паралингвистика», тем не менее, остается неизвестным. В этой связи некоторые исследователи называют фамилию Уэлмерс (Welmers) и 1954 г. (Key, 1975). Другие предполагают, что термин «паралингвистика» ввел в научный обиход А. Уилл (Träger, 1958).

И хотя вопрос об исследовании паралингвистических средств в текстах поднимался еще с 20-х годов XX века в связи с особенностями развития стихотворной графики (Томашевский, 1930; Реформатский, 1933 и др.), именно «стремительный рост визуальной информации» в коммуникации вызвал более глубокий и «закономерный интерес языковедов к паралингвистическим, то есть невербальным, средствам, сопровождающим письменную речь, в частности к графическому оформлению текста» (Анисимова, 2003: 6). Так, паралингвистические средства коммуникации традиционно стали рассматриваться и изучаться в художественном аспекте оформления книги, где их рассмотрение сводилось к вопросам конструирования издания – обеспечении, например, её эстетической характеристики (Сидоров, 1922; 1960; Герчук, 1984 и др.). Исследования невербальных компонентов текста в качестве выразительных единиц (стилистические исследования), т.е. таких единиц, которые способны помочь автору произведения в реализации его художественного замысла, начинаются только в 70-е годы XX века (Арнольд, 1973; Riesel, 1978 и др.). В дальнейшем постепенно интерес ученых в изучении невербальных средств общения смещается к их содержательным и прагматическим характеристикам: паралингвистические средства стали рассматриваться в рамках параграфематики – раздела лингвистики о письменном языке (Клюканов, 1983; Баранов, Паршин, 1989; Месхишвили, 1990; Gallmann, 1985 и др.).

По словам И.Э. Ключанова (1983) к невербальным средствам относятся те средства языка, которые существуют около графемной системы языка и нарушают её «прозрачность». Однако, стоит отметить, что хотя исследователи этого раздела лингвистики и признали тот факт, что невербальные средства могут сопровождать речь и служить средством выражения её коннотаций, все же им так и не удалось определить круг средств, который мог бы быть отнесен к параграфемным. Учёные предлагали различные классификации невербальных компонентов общения, например:

- параграфемные средства делятся в зависимости от механизмов их создания на синграфемные (художественно-стилистическое варьирование пунктуационных знаков), топографемное варьирование (плоскостное варьирование текста), супраграфемные средства (шрифтовое варьирование) (Баранов, Паршин, 1989);

- невербальные средства – это любые параграфемные средства, участвующие в передаче информации (Месхишвили, 1990);

- к невербальным средствам относятся такие графические средства, которые используются в непредусмотренными правилами орфографии употреблении (кавычки, зачеркивания, вставки и т.д.) для достижения оригинальности и выразительности текста (Вашушина, 1995).

Стоит отметить, что в данных классификациях невербальные средства, отчасти, рассматривались именно с позиций включенности в текст, т.к. они не только привлекают внимание адресата и несут (заключают) в себе как семантическую, так и экспрессивную информацию, но и не могут рассматриваться вне текста без их декодирования и интерпретации. Поэтому рассматривая структуру и особенности оформления текстов, учёные постепенно замечают, что в некоторых текстах задействованы коды различных семиотических систем. Иными словами, изучение текстов в аспекте исследования невербальных средств сводится к изучению таких текстов, которые сочетают в себе естественный язык и элементы других языковых систем. Идея «называния» текстов креолизированными принадлежит

отечественным ученым, психолингвистам Ю.А. Сорокину и Е.Ф. Тарасову. Однако, стоит отметить, что начало осмысления таких креолизованных или семиотически усложненных текстов также прослеживается в ранних работах зарубежных исследователей по семиотике при изучении изображения как особой знаковой системы и возможных способов применения изображения (Kloepfer, 1976; Kraft, 1978; Muckenhaupt, 1986 и др.). Итак, креолизованные тексты – это тексты «фактура которых состоит из двух негомогенных частей (вербальной языковой (речевой) и невербальной (принадлежащей к другим знаковым системам, нежели естественный язык)» (Сорокин, Тарасов, 1990: 180). В исследованиях лингвистов в качестве примеров таких текстов называются средства наглядной агитации и пропаганды, тексты плакатов, радиовещания и телевидения наглядные тексты, кинотексты и рекламные тексты, а функционирование в одном (едином) семантическом пространстве их компонентов – вербального и иконического обеспечивает их целостность и связность и как следствие необходимый коммуникативный эффект. Термин креолизованные тексты в дальнейшем был поддержан рядом исследователей (Анисимова, 2003; Каменская, 1996 и др.) и в настоящее время продолжает активно использоваться при изучении некоторых аспектов коммуникации (Бернацкая, 2000; Ворошилова, 2013 и др.).

Обращаясь к изучению паралингвистических средств общения нельзя не обойти стороной исследования, в которых невербальные компоненты рассматривались и в отрыве от письменного текста, т.е. анализировались с точки зрения их включения в «речевые тексты» (Горелов, 1980: 84), т.к. именно такое использование невербальных компонентов общения позволило выявить особенности «экономного» построения «речевого акта с использованием паралингвистических средств» (Колшанский, 1974: 16), а признание того, что человек как существо социальное унаследовал паралингвистическую форму коммуникации как «низший генетический функциональный этап второй сигнальной системы, который должен быть прямо выведен из общих биологических и физиологических основ высшей

нервной деятельности» (Поршнеv, 1974: 124-125) является неопровержимым доказательством того, что «паралингвистические свойства языка... в принципе составляют неотъемлемую часть коммуникации» (Колшанский, 1974: 78). При этом такой способ взаимодействия исходит из естественности невербальных явлений и стремится вывести их из определенных биологических процессов (Николаева, Успенский, 1966).

В подтверждение этих слов обратимся к исследованиям Аристотеля, который занимался исследованиями в области жестикуляции, а его книга «Физиогномика» в настоящее время признается первой «работой» по изучению невербальной коммуникации. Сторонники Аристотеля полагали, что характер человека можно определить по некоторым чертам лица. Представляется интересным и тот факт, что в античные времена ораторов специально обучали жестикулировать (Цицерон), а появление первого словаря жестов во многом стало возможным благодаря исследованиям римского ритора Квинтилиана (I век до н.э.). Изучение различных аспектов невербалики продолжалось и в средние века (например, в исследованиях алхимиков) и в эпоху Возрождения (в трудах И.Д. Скота и Л. Да Винчи). В XVI-XVIII столетиях более известны работы Ф. Бэкона и И. Лафатера. Последний из которых, в своем труде «Искусство познавать людей по физиогномиям» предпринял первую научную попытку систематизировать выразительные движения. Известными работами в области жестикуляции человека также признаются труды 1664 г. Дж. Баливера «Хириология, или Естественный язык жестов» и «Хирономия, или Искусство риторики рук», в которых автор составил систематизированные таблицы знаков выразительной коммуникации. Своеобразной работой в изучении невербальных аспектов выступает и работа французского философа-просветителя XVIII века Ж.-Б. Дюбо «Критические размышления о поэзии и живописи». В данной работе автор отмечает важность жестикуляции в театральных представлениях древних людей (Дюбо, 1976: 618-654) и приходит к выводу, что существует некая наука, которая отвечает за

телодвижения и говорит «руками» (там же, 1975), а жесты, в свою очередь, могут классифицироваться на естественные (те, что сопровождают речь) и искусственные (значение которых придумано людьми) (Дюбо, 1976: 636). К началу XX века наиболее существенной фундаментальной работой по исследованию невербалики стал труд биолога Ч. Дарвин «Выражение эмоций у людей и животных», опубликованный в 1872 г. Считается, что именно Ч. Дарвину, заинтересовавшимся невербальным поведением как «выражению ощущений» (Дарвин, 2001), удалось создать своеобразную базу (точку отсчета), от которой смогли оттолкнуться многие ученые, занимающиеся вопросами невербального поведения говорящей личности, а на постановку и решение проблем невербального взаимодействия людей в коммуникативных актах социальной интеракции в начале XX века позволила по-новому взглянуть такая наука как психология.

Однако позднее С.Л. Рубинштейн опроверг утверждения Ч. Дарвина о том, «что выразительные движения не являются простым сопровождением эмоций» и доказал, что они выполняют функцию общения, выступая средством сообщения и воздействия, которое лишено речи (Рубинштейн, 1997). Постепенно при изучении невербальной стороны общения под пристальный взгляд исследователей начинают «попадать» новые знаковые (невербальные) системы взаимодействия, которые прежде подробно не рассматривались. Так, учеными выделяется термин «невербальная коммуникация», который вводится в обиход благодаря работе (выходу в свет книги) психиатра Й. Рюша и лингвиста В. Киза в 1956 г. В данном труде авторы делают акцент на том, что сообщения могут кодироваться и как практические действия и как иконические. К иконическим способам передачи информации они, в первую очередь, относили символические системы, такие как слова (Ruesh, Kees, 1956). Идеи Й. Рюша и В. Киза о выделении невербальной коммуникации получают дальнейшее развитие и отражаются, например, в исследованиях визуального канала восприятия информации посредством, например, анализа фотографий, плана кино

(Арнхейм, 1974; Metz, 1982 и др.), поз собеседника (Романов, 1995 и др.), выборе цвета одежды и украшений (Серов, 1996; Романов, Романова, 1997 и др.).

Анализируя различные невербальные каналы восприятия информации, специалисты по невербальному взаимодействию также отмечают, что характер и способы совместного существования некоторых знаковых систем в одном коммуникативном акте затрагивают проблемы функционирования в речи знаков разной природы, и, следовательно, без понимания того как невербальная деятельность человека соотносится с вербальной «немыслимо моделирование коммуникативных систем и самого мыслительного процесса» (Реформатский, 1963). Например, идея рассмотрения невербальных компонентов как специальных «надъязыковых» программ, обязательных для каждого говорящего, применительно к интонационным формам общения (Жинкин, 1963: 269) или к особенностям планирования речевых действий в чистом виде получает развитие в работах ряда учёных (Жинкин, 1963; Леонтьев, 1969; и др.). Любопытным здесь представляется то, что авторы исследований задумываются над проблемами и спецификой становления речи – возможном сочетании в ней вербального и невербального компонентов, выступающих уже в едином «неделимом» пространстве и как в следствие – дальнейшее развитие их идей и взглядов прогнозирует получение новой интерпретации взаимодействия двух систем, включенных в диалогическую речь.

Уже со второй половины XX века проблема общения начинает рассматриваться как «базовая категория» (Ломов, 1981), а невербальное общение сводится к характерному использованию невербального поведения и невербальной коммуникации (Лабунская, 1988: 36). И хотя, ряд исследователей все же склонен считать, что невербальные составляющие речи представляются наиболее ограниченными системами взаимодействия, а язык жестов, например (Рамишвили, 1957 и др.), «не может выразить даже такие простые, но не носящие конкретный характер, содержания, которые

обозначаются словами *пока, только, кроме, еще, когда* и т.д.» (иными словами в таком языке отсутствует грамматическая структура, необходимая для создания языка, выступающего в качестве средства общения), все же стоит признать, что невербальные действия включены в коммуникацию, а значит способны, во-первых, дополнять «лингвистическую информацию», а во-вторых, замещать «лингвистический знак», «разрушая» тем самым «словесную коммуникацию» (Колшанский, 1974: 7). Так, можно констатировать, что использование невербальных компонентов в диалогической речи подразумевает функции сопровождения. В исследованиях И.Н. Горелова (Горелов, 1980: 12-13) было доказано и обратное: невербальные средства общения вводятся для «подкрепления абсолютной однозначности конкретного речевого акта» (т.е. функция дополнения). И более того автор работы подчеркивает, что «аграмматизм» паралингвистического знака, будучи «верной констатацией, не лишает последний возможностей для выполнения любой из определяемых языкознанием функций естественного языкового знака» (Горелов, 1980: 9-10): социативной (контактоустанавливающей), эмотивной, волюнтативной, коммуникативной, аппелятивной, репрезентативной.

Специалисты по изучению коммуникации также доказывают, что вербальные и невербальные компоненты с точки зрения онтогенеза представляют собой «integrated communicative unit» (объединенную коммуникативную единицу) (Woodall, 1996: 146). А в реальном диалогическом взаимодействии представляется возможным вычленивать (т.е. классифицировать) вербальные и невербальные действия собеседника. Более убедительная, основанная на экспериментальных данных, признается классификация немецких исследователей К. Элиха и Й. Ребайна. Ее авторы предлагают разделить невербальную коммуникацию на следующие типы: а) комитативную (komitative) (невербальное взаимодействие сопровождается естественным языком), б) презентативную (presentative) (язык жестов, который сопровождает естественный язык), в) остенсивную (ostentative)

(напр., демонстративное закрытие двери с небольшим вербальным сопровождением) (Ehlich, Rehbein: 1982). Авторы говорят, что, таким образом, коммуникативные действия представляется возможным классифицировать на вербальные и невербальные, но с небольшой степенью «условности» (Ehlich, Rehbein: 1982; Sager, 1995: 85).

Исследование проблемы невербального взаимодействия с точки зрения вычленения соотношения вербальных и невербальных компонентов (коммуникаций) в онто- и филогенезе, а также изучение именно невербального кода общения между собеседниками начинает активно рассматриваться примерно с 70-х годов XX века в работах отечественных и зарубежных исследователей (Колшанский, 1974; Горелов, 1980; Kendon, 1981: 1-56 и др.). Многие ученые стремятся вычленить не только вербальные и невербальные компоненты коммуникации, но и установить нормы и правила поведения участников диалогического взаимодействия (Lindenfeld, 1971 и др.), по-новому осмыслить процесс невербального оформления коммуникации (Волоцкая, Николаева, 1962; Николаева, Успенский, 1966; Borelli, Heidt, 1981 и др.).

Тщательный анализ невербального кода взаимодействия людей приводит различных исследователей к выводу, что такой код может применяться как единственное (практическое) средство, например, в обучении глухих (Ekman, Friesen, 1981: 73 и др.). Анализ ситуаций с использованием невербальных средств общения также показывает, что: 1) невербальное поведение собеседника вызывает больше доверия, чем вербальное (особенно в конфликтных ситуациях (Woodall, 1996: 139)), а дети, наоборот, больше склонны верить словам (Woodall, 1996: 138-139); 2) невербальные действия (компоненты) значительно труднее контролировать (Burgoon, 1996: 8). Примечательно, в этом плане высказывание Ф. Ницше: «Люди свободно лгут ртом, но рожа, которую они при этом корчат, всё-таки говорит правду» (Ницше, 2016); 3) когда дети говорят неправду, то они произвольно прикрывают рот (Пиз, 1995: 31).

Итак, изучение невербальной коммуникации постепенно сводится к двум подходам (направлениям), согласно которым, с одной стороны, невербальное поведение лишь сопровождало речь, а, с другой, являлось отдельной составляющей процесса коммуникативного взаимодействия. Специалисты по невербальному взаимодействию отмечают, что невербальные поступки собеседников также и как их вербальные действия занимают важное место в процессе общения. Более того, в определенных (достаточно эмоциональных ситуациях взаимодействия) им может принадлежать функция доминаты. При этом невербальные акты выполняют ряд важнейших функций, к которым можно отнести: 1) функцию повторения сказанного словами; 2) функцию замены части вербального сообщения невербальными компонентами; 3) функцию дополнения или уточнения вербально оформленного сообщения посредством использования невербальных средств; 4) функцию отрицания вербальной информации невербальным способом; 5) функцию выделения голосом необходимых слов (Ekman, Frisen, 1981: 87). Достаточно интересной представляется и классификация английского ученого Ю. Бургунна (Burgoon, 1996: 6), который в своих исследованиях предпринимает попытку дать описательную характеристику невербальной коммуникации. Автор работы утверждает, что она: а) вездесущая (взаимодействия без нее не бывает); б) обладает большим набором функций; в) способствует (помогает) лучшему взаимопониманию собеседников; г) первична (предшествует становлению языка); д) обладает онтогенетической первичностью (например, дети сначала познают мир невербальным путем); е) способна выразить то, что невозможно выразить вербально; ж) более истинна (правдива).

Представляется важным заметить, что в таких классификациях отчетливо прослеживается мысль, что в социальном обществе невербальная коммуникация представляется важным аспектом «человеческого общения», т.к. без нее (точнее без анализа, рассмотрения и понимания отдельных невербальных единиц коммуникации) невозможно, отчасти, полное

понимание собеседника. Вероятно по этой причине вопрос изучения невербальных компонентов общения, прежде всего, связан с теоретико-прикладным аспектом изучения невербальной коммуникации: лингвисты изучают взаимодействие вербальных и невербальных элементов общения; психиатры рассматривают невербальную коммуникацию с точки зрения ее воздействия на пациента, а также особенности поведения самих пациентов; антропологи исследуют национальную специфику невербального поведения у представителей различных культур и наций и т.п. (Burgoon, 1996: 3-22). Социальная значимость невербальных элементов коммуникации также подтверждается различными экспериментами (Вайнрих, 1987; Пиз, 1995: 17; Woodall, 1996: 136 и др.). Становится очевидным, что ученые при исследовании и рассмотрении вербальных и невербальных типов коммуникации имеют дело со способом выражения и формой фиксации человеческих мыслей, которая проявляется в виде языкового (вербального) и неязыкового (невербального) знака, который по справедливому замечанию философа и лингвиста Х. Ортега-и-Гассета мог бы фиксировать «результат абстрагирующего усилия», материализовать и обеспечивать его «удобной нишей» (о знаковом характере познавательного процесса: Ортега-и-Гассет, 1990: 74).

Изучение невербальных аспектов коммуникативного процесса начинает сводиться к изучению эмоциональных ситуаций взаимодействия (Телия, 87: 64-64; Шаховский, 2008; Mangham, 1998 и др.) и, отчасти, ситуаций продиктованных этическими нормами поведения, т.к. именно в таких коммуникациях наиболее явно будет прослеживаться знаковое поведение говорящей личности. Ученым удастся выяснить, что в результате эмоциональной коммуникации невербальные компоненты могут передать такие функции как: установление контакта, приветствие, прощание, нежелание взаимодействовать (Ehlich, Rehbein, 1982: 67-68; также о тактильных элементах в коммуникации: Малышева, 2013; 2015; 2016). А самым распространенным невербальным компонентом общения в

европейской культуре, например, признается «взгляд» (зрительный контакт) (Ehlich, Rehbein, 1982: 67). Обращение к попыткам классификации невербальных средств общения с точки зрения их включенности в различные культуры (использование одинаковых невербальных элементов разными народами) однако приводит исследователей в «ловушку», т.к. в своих работах ученым удалось выяснить тот факт, что существует некая универсальность человеческих эмоций и невербальных проявлений в различных культурах (Ekman, 1993), но так или иначе, невозможно создать единый универсальный язык невербальных проявлений, который будет возможно одинаково интерпретировать в различных культурах и ситуациях диалогического взаимодействия.

По этой причине классификация невербальных компонентов как знаков может строиться на разных критериях (Соболевский, 1986: 106-108; Royatos, 1993: 9-11). Так, паралингвистом Ф. Поятосом (Royatos, 1993: 9-11) была предложена идея деления знаков на две группы - соматическую (движения частей тела человека, реакции организма на что-либо, кожные или температурные реакции организма человека) и культурную (звуки, которые издаются не человеком – звуки окружающей среды, звуки движения мебели и т.п.). И.А. Соболевский (Соболевский, 1986: 106-108) же предложил классифицировать знаки по принципу визуального и слухового контакта с окружающей средой - оптические (например, мимикожестикоуляционные) и акустические (например, голос). И.Н. Горелов напротив выделял три группы паралингвистических (невербальных) знаков: 1) фонационные, 2) мимико-жестовые и пантомимические и 3) смешанные (т.е. фонационно-мимико-пантомимические) (Горелов 1980, 74-75).

Большой вклад в исследование невербальных знаков – компонентов коммуникативного взаимодействия принадлежит и отечественному ученому Г.Е. Кредлину. В своих работах лингвисту удалось классифицировать проявление невербальных элементов диалога с точки зрения гендерного аспекта (Кредлин, 2005 и др.), а также рассмотреть и проанализировать

различные аспекты кинесики (Кредлин, 2002 и др.). Стоит отметить, что автор работ в своих исследованиях придерживается более узкого понимания кинесики, а некоторые объекты кинесики (например, знаковые телодвижения, мимические жесты автор называет «просто жестами» (Кредлин, 2002: 43)). Также им изначально исключаются из рассмотрения «искусственные жестовые языки, мало соотносящиеся с речью» (Кредлин, 2002: 43). Здесь оговоримся, что в более широком смысле кинесику как науку о языке тела и его частей также связывают и с техникой тела, включая в нее незнаковые движения (Мосс, 1996: 242-263).

Таким образом, подводя итог обзору работ, посвященных исследованию невербальных компонентов общения, отметим, что при изучении процесса коммуникации чаще всего в поле зрения исследователей попадали такие невербальные средства, которые обладали способностью передавать свое значение независимо от вербального контекста. И как результат – большинство исследователей лишь фиксировали процесс коммуникации как сложное явление, состоящее из отдельных компонентов, безусловно, взаимосвязанных друг с другом. Внимание исследователей было направлено, главным образом, на описание особенностей статуса процесса коммуникации и его составляющих. А это означает, что в настоящее время, остаются открытыми вопросы, связанными с использованием невербальных компонентов не просто как элементов коммуникации, а именно таких знаков, которые не только включены речь и выступают единым комплексом с вербальной системой взаимодействия, но и несут в себе дополнительные функции, сокращая, тем самым, сказанное адресатом (т.е. вербальный контекст).

Ссылки – References in Russian

Анисимова, 2003: 6 – *Анисимова Е.Е.* Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов). М.: Издательский центр «Академия», 2003.

Арнольд, 1973 – *Арнольд И.В.* Графические стилистические средства // Иностранные языки в школе. 1973. № 4. С. 13–21.

Арнхейм, 1974 – *Арнхейм Р.* Искусство и визуальное восприятие. М.: Прогресс, 1974.

Баранов, Паршин, 1989 – *Баранов А.Н., Паршин П.Б.* Воздействующий потенциал варьирования в сфере метаграфемии // Проблемы эффективности речевой коммуникации. Сборник научно-аналитических обзоров. 1990. С. 41–115.

Бернацкая, 2000 – *Бернацкая А.А.* К проблеме «креолизации» текста: история и со-временное состояние // Речевое общение: специализированный вестник. Вып.3 (11). 2000. С.104–110.

Большая советская энциклопедия, 1975: – *Большая советская энциклопедия. Отоми – Пластырь.* Т. 19. М.: Сов. энциклопедия, 1975.

Вайнрих, 1987 – *Вайнрих Х.* Лингвистика лжи // Язык и моделирование социального взаимодействия. М., 1987. С. 44–87.

Вашушина, 1995 – *Вашушина И.В.* Коммуникативно-функциональные особенности неко-дифицированных графических средств: На материале немецкого языка. Автореф. дис.... канд. филол. наук. М., 1995.

Войтасек, 1981: 190 – *Войтасик Л.* Психология политической пропаганды. М.: Прогресс, 1981.

Волоцкая, Николаева, 1962 – *Волоцкая Е.М., Николаева Т.М., Сегал Д.М., Цивьян Т.В.* Жестовая коммуникация и ее место среди других систем человеческого общения // Симпозиум по структурному изучению знаковых систем. М.: Изд-во Академия наук СССР, 1962. С. 65–78.

Ворошилова, 2013 – *Ворошилова М.Б.* Политический креолизованный текст: ключи к прочтению. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2013.

Герчук, 1984 – *Герчук Ю.* Художественная структура книги. М.: Книга, 1984.

Горелов, 1980: 84 – *Горелов И.Н.* Невербальные компоненты коммуникации. М.: Наука, 1980.

Дарвин, 2001 – *Дарвин Ч.* О выражении эмоций у человека и животных. СПб.: Питер, 2001.

Дюбо, 1976: 618–654 – *Дюбо Ж.-Б.* Критические размышления о поэзии и живописи. М.: Искусство, 1975.

Жинкин, 1963: 269 – *Жинкин Н.И.* Мышление и речь М.: Издательство Академии педагогических наук РСФСР, 1963.

Каменская, 1996 – *Каменская О.Л.* Лингвистика на пороге XXI века // Лингвистические маргиналии. 1996. С. 13–21.

Клюканов, 1983 – *Клюканов И.Э.* Структура и функции параграфемных элементов текста. Автореф. дис.... канд. филол. наук. Саратов, 1983.

Колшанский, 1974: 7 – *Колшанский Г.В.* Паралингвистика. М.: Наука, 1974.

Крейдлин, 2002 – *Крейдлин Г.Е.* Невербальная семиотика: Язык тела и естественный язык. М.: Новое литературное обозрение, 2002.

Крейдлин, 2005 – *Крейдлин Г.Е.* Мужчины и женщины в невербальной коммуникации. М.: Языки славянской культуры, 2005.

Лабунская, 1988: 36 – *Лабунская В.А.* Невербальное поведение (социально-перцептивный подход). Ростов-на-Дону: Феникс, 1988. 246 с.

Леонтьев, 1969 – *Леонтьев А.А.* Язык, речь, речевая деятельность. М.: Просвещение, 1969.

Ломов, 1981 – *Ломов Б.Ф.* Проблема общения в психологии // Проблема общения в психологии. М.: Наука, 1981. С. 3–22.

Мальшева, 2013 – *Мальшева Е.В.* Базовая модель комплексного коммуникативного взаимодействия как матрица вербально-тактильного

поведения ее участни-ков // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2013. № 2. С. 20–23. Режим доступа: <http://tverlingua.ru>

Мальшева, 2015 – *Мальшева Е.В.* Кинестетические регулятивы английской диалогической речи. Тверь: ТвГУ, Тверская ГСХА, 2015.

Мальшева, 2016 – *Мальшева Е.В.* Несловесный дискурс тактильности. Тверь: ТвГУ, Тверская ГСХА, 2016.

Месхишвили, 1990 – *Месхишвили Н.В.* Экспрессивные средства письменной коммуникации. Автореф. дис.... канд. филол. наук. – М., 1990.

Мосс, 1996: 242–263 – *Мосс М.* Техники тела // Общества. Обмен. Личность: Труды по социальной антропологии. М.: Восточная литература, 1996. С. 242–263.

Найсер, 1981 – *Найсер У.* Познание и действительность. М.: Прогресс, 1981.

Николаева, Успенский, 1966 – *Николаева Т.М., Успенский Б.А.* Языкознание и паралингвистика // Лингвистические исследования по общей и славянской типологии. М.: Наука, 1966. С. 63–74.

Ницше, 2016 – *Ницше Ф.* По ту сторону добра и зла. М.: Эксмо, 2016.

Ортега-и-Гассет, 1990: 74 – *Ортега-и-Гассет Х.* Две великие метафоры // Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990. С. 68–81.

Пиз, 1995: 31 – *Пиз А.* Язык жестов (Как читать мысли людей по их позам, мимике, жестам) // Язык жестов. Минск: Парадокс, 1995. С. 9–256.

Поршнев, 1974: 474 – *Поршнев Б.Ф.* О начале человеческой истории (Проблемы палео-психологии). М.: Мысль, 1974.

Почепцов, 2001 – *Почепцов Г.Г.* Теория коммуникации. К.: Ваклер; М.: Рефл-бук, 2001.

Рамишвили, 1957 – *Рамишвили Д.И.* Вопросы психологии мышления и речи. Тбилиси: Мецниереба, 1957.

Реформатский, 1933 – *Реформатский А.А.* Лингвистика и полиграфия // Письменность и революция. М.-Л. 1933. С. 42–58.

Романов, 1995 – *Романов А.А.* Грамматика деловых бесед. Тверь: Фамилиа, 1995.

Романов, Романова, 1997 – *Романов А.А., Романова Е.Г.* Офис-менеджер: Управленческая компетенция, культура и имидж. Тверь: ТвГУ, ТИЭМ, 1997.

Романов, Черепанова, Ходырев, 1997 – *Романов А.А., Черепанова И.Ю., Ходырев А.А.* Тайны рекламы. Тверь: Герс, 1997.

Рубинштейн, 1997 – *Рубинштейн С.Л.* Человек и мир. М.: Наука, 1997.

Серов, 1996 – *Серов Н.* Цвет как время, пространство и эмоции // Петербургский рекламист. 1996. № 11. С. 16–17.

Сидоров, 1922 – *Сидоров А.А.* Искусство книги. М.: Дом печати, 1922.

Соболевский, 1986: 106–108 – *Соболевский И.А.* Кинетическая речь на производстве // Семиотика пространства и пространство семиотики. Труды по знаковым системам. XIX. Тарту: изд-во ТГУ, 1986. С. 106–112.

Сорокин, Тарасов, 1990: 180 – *Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф.* Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // Оптимизация речевого воздействия. М: Наука, 1990. С. 180–186.

Телия, 87: 64–64 – *Телия В.Н.* О специфике отображения мира психики и знания в языке // Сущность, развитие и функции языка. 1987. С. 65–74.

Томашевский, 1930 – *Томашевский Б.В.* Теория литературы. Поэтика. М.-Л.: Госиздат, 1930.

Хмылев, Кондрасюк, 2016: 131 – *Хмылев В.Л., Кондрасюк В.А.* Особенности влияния сенсорно-языковых каналов на восприятие // Вопросы философии. М. 2016. № 7. С. 131–138.

Шаховский, 2008 – *Шаховский В.И.* Лингвистическая теория эмоций. М.: Гнозис, 2008.

References

Arnold, I. (1973) Graphic stylistic means // *Inostrannye jazyki v shkole*, № 4, pp. 13–21 (in Russian).

Anisimova, E. (2003) *Linguistics of the text and intercultural communication (on the basis of creolized texts)*, M., Izdatelskij centr «Akademija» (in Russian).

Arnheim, R. (1974) *Art and visual perception*, M., Progress (in Russian).

Baranov, A., Parshin, P. (1990) The potential for variation in the field of metagamefics // *Problemy jeffektivnosti rechevoj kommunikacii. Sbornik nauchno-analiticheskikh obzorov*, pp. 41–115 (in Russian).

Bernackaja, A. (2000) To the problem of the "Creolization" of the text: history and the present state // *Rechevoe obshhenie: specializirovannyj vestnik*, Vyp. 3 (11), pp.104–110 (in Russian).

Borelli, M., Heidt, P. (1981) *Therapeutic touch: A book of readings*, NY, Springer.

Burgoon, J. (1996) *Nonverbal Communication // Nonverbal Communication. The unspoken dialogue*, NY-L.-Tokyo, The McGraw-Hill Companies, pp. 3–160.

Darvin, Ch. (2001) *On expressing emotions in humans and animals*, SPb., Piter (in Russian).

Djubo, Zh.-B. (1975) *Critical reflections on poetry and painting*, M., Iskusstvo (in Russian).

Ehlich, K., Rehbein, J. (1982) *Augenkommunikation. Methodenreflexion und Beispielanalyse. Amsterdamer Arbeiten zur theoretischen und angewandten Linguistik*, Bd. 2, Amsterdam, John Benjamins B.V., pp. 110–134.

Ekman, P., Friesen, W. (1981) The repertoire of nonverbal behavior // *Nonverbal communication, interaction, and gesture. Selections from Semiotica. The Hague*, Paris-NY, Mouton Publishers, pp. 57–106.

Gallmann, P. (1985) *Graphische Elemente der geschriebenen Sprache: Grundlagen fur eine Reform der Orthographic*, Tubingen: Niemeyer Verlag, 1985.

Gerchuk, Ju. (1984) *The artistic structure of the book*, M., Kniga (in Russian).

Gorelov, I. (1980) *Non-Verbal Communication Components*, M., Nauka (in Russian).

Great Soviet Encyclopedia. Otomie - the Plaster (1975), T. 19, M., Sov. Jenciklopedija (in Russian).

Hmylev, V., Kondrasjuk, V. (2016) Features of the influence of sensory-language channels on perception // *Voprosy filosofii*, № 7. pp. 131–138 (in Russian).

Kamenskaja, O. (1996) Linguistics on the threshold of the XXI century // *Lingvisticheskie marginalia*, pp. 13–21 (in Russian).

Kendon, A. (1981) Introduction: Current Issues in the Study of «Nonverbal communication» // *Nonverbal communication, interaction, and gesture. Selections from Semiotica*, The Hague, Paris-NY, Mouton Publishers. pp. 1–56.

Key, M. (1975) *Paralanguage and kinesics*, Metuchen-NJ, The Scarecrow Press, Inc.

Kljukanov, I. (1983) *Structure and functions of paragraph text elements*, Avtoref. dis.... kand. filol. nauk, Saratov (in Russian).

Kloepfer, R. (1976) Komplementaritat von Sprache und Bild. Am Beispiel von Comic, Karikatur und Reklame // *Sprache im technischen Zeitalter*, № 56, 42–56 S.

Kolshanskij, G. (1974) *Paralinguistics*, M., Nauka (in Russian).

Kraft, U. (1978) *Comics lesen: Untersuchungen zur Textualitat von Comics* Stuttgart.

Krejdlin, G. (2002) *Nonverbal semiotics: Body language and natural language*, M., Novoe literaturnoe obozrenie (in Russian).

Krejdlin, G. (2005) *Men and women in non-verbal communication*, M., Jazyki slavjanskoj kultury (in Russian).

Labunskaja, V. (1988) *Non-verbal behavior (socially-perceptive approach)*, Rostov-na-Donu, Feniks (in Russian).

Leontev, A. (1969) *Language, speech, speech activity*, M., Prosveshhenie (in Russian).

Lomov, B. (1981) *The problem of communication in psychology // Problema obshhenija v psihologii*, M., Nauka, pp. 3–22 (in Russian).

Lindenfeld, J. (1971) Verbal and Non-Verbal Elements in Discourse // *Semiotica*, №3, pp. 223–233.

Malysheva, E. (2013) The basic model of complex communicative interaction as a matrix of verbal-tactile behavior of participants // *World of linguistics and communication: electronic scientific journal*. № 2. P. 20–23. Access mode: <http://tverlingua.ru>

Malysheva, E.V. (2015) *Kinesthetic regulatives of English dialogical speech*. Tver, TvGU, Tverskaja GSHA.

Malysheva, E.V. (2016) *Non-verbal discourse of tactility*. Tver, TvGU, Tverskaja GSHA.

Mangham, I. (1998) Emotional Discourse in Organizations // *Discourse and Organization*, pp. 51–64.

Meshishvili, N. (1990) *Expressive means of written communication*, Avtoref. dis.... kand. filol. Nauk, – M. (in Russian).

Metz, C. (1982) *The imaginary signifier. Psychoanalysis and the cinema*, Bloomington, Indiana University Press.

Moss, M. (1996) Body Techniques // *Obshhestva. Obmen. Lichnost: Trudy po socialnoj antropologii*, M., Vostochnaja literature, pp. 242–263 (in Russian).

Muckenhaupt, M. (1986) *Text und Bild*, Tübingen, Narr.

Najser, U. (1981) *Cognition and Reality*, M., Progress (in Russian).

Nicshe, F. (2016) *Beyond Good and Evil*, M., Jeksmo (in Russian).

Nikolaeva, T., Uspenskij, B. (1966) Linguistics and Paralinguistics // *Lingvisticheskie issledovanija po obshhej i slavjanskoj tipologii*, M., Nauka, pp. 63–74 (in Russian).

Ortega-i-Gasset, H. (1990) Two great metaphors // *Teorija metafory*, M., Progress, pp. 68–81 (in Russian).

Piz, A. (1995) Sign Language (How to read people's thoughts on their postures, facial expressions, gestures) // *Jazyk zhestov*, Minsk, Paradoks, pp. 9–256 (in Russian).

Pochepcov, G. (2001) *Theory of Communication*, K.: Vakler, M., Refl-buk (in Russian).

Porshnev, B. (1974) *On the beginning of human history (Problems of paleopsychology)*, M., Mysl (in Russian).

Poyatos, F. (1981) Gesture Inventories: Fieldwork Methodology and Problems // *Nonverbal communication, interaction, and gesture. Selections from Semiotica*. The Hague, Paris-NY, Mouton Publishers, pp. 371–399.

Ramishvili, D. (1957) *Questions of the psychology of thinking and speaking*, Tbilisi, Mecniereba (in Russian).

Reformatskij, A. (1933) Linguistics and polygraphy // *Pismennost i revoljucija*, M.-L, pp. 42–58 (in Russian).

Romanov, A.A. (1995) *Grammar of business conversations*, Tver, Familija (in Russian).

Romanov, A., Romanova E. *Office Manager: Managerial competence, culture and image*, Tver, TvGU, TIJeM (in Russian).

Romanov, A., Cherepanova I.J, Hodyrev A. (1997) *Secrets of advertising*, Tver, Gers (in Russian).

Riesel, E. (1978) Graphostilistische Mittel im Wortkunstwerk// *Linguistische Studien, Reihe A. Das literarische Werk als Gegenstand linguistischer Forschung*, № 5.

Rubinshtejn, S. (1997) *Man and the world*, M., Nauka (in Russian).

Ruesh, I., Kees, W. (1995) *Nonverbal communication: Notes on the Visual Perception of Human Relations*, Los Angeles, University of California Press, 1956.

Sager, S. *Verbales Verhalten. Eine semiotische Studie zur linguistischen Ethologie*, Tuebingen, Stauffenburg Verlag.

Serov N. (1996) Color as time, space and emotions // *Peterburgskij reklamist*, № 11, pp. 16–17 (in Russian).

Shahovskij, V. (2008) *Linguistic theory of emotions*, M., Gnozis (in Russian).

Sidorov, A. (1922) *The art of the book*, M., Dom pečati (in Russian).

Sobolevskij, I. (1986) Kinetic speech in production // *Semiotika prostranstva i prostranstvo semiotiki. Trudy po znakovym sistemam*, XIX, Tartu, izd-vo TGU, pp. 106–112 (in Russian).

Sorokin, Ju., Tarasov E. (1990) Creolized texts and their communicative function // *Optimizacija rečevogo vozdejstvija*, M, Nauka, pp. 180–186 (in Russian).

Telija, V. (1987) On the specifics of the mapping of the world of the psyche and knowledge in the language // *Sušhnost, razvitie i funkcii jazyka*, pp. 65–74 (in Russian).

Tomashevskij, B. (1930) *Literature theory. Poetics*, M.-L., Gosizdat (in Russian).

Trager, G. (1958) Paralanguage: A first approximation // *Studies in linguistics*, pp. 1–12.

Vajnrih, X. (1987) Linguistics of lies // *Jazyk i modelirovanie socialnogo vzaimodejstvija*, M., pp. 44–87 (in Russian).

Vashunina, I. (1995) *Communicative and functional features of non-graphic graphics: On the material of the German language*, Avtoref. dis.... kand. filol. nauk., M (in Russian).

Vojtasik, L. (1981) *Psychology of political propaganda*, M., Progress (in Russian).

Volockaja, E., Nikolaeva, T., Segal, D., Civjan, T. (1962) Fearful communication and its place among other systems of human communication // *Simpozium po strukturnomu izucheniju znakovyh system*, M., Izd-vo Akademija nauk SSSR, pp. 65–78 (in Russian).

Voroshilova, M. (2013) *Political Creed Text: Keys to Reading*, Ekaterinburg, Ural. gos. ped. un-t (in Russian).

Woodall, W. (1996) *Relationships between verbal and nonverbal communication* // Nonverbal Communication. The unspoken dialogue, NY-London-Tokyo, The McGraw-Hill Companies, pp. 135–187.

Zhinkin, N. (1963) *Thinking and speaking*, M., Izdatelstvo Akademii pedagogicheskikh nauk RSFSR (in Russian).